

*И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компани
И городские фонари.*

Потом в «Детстве Люверс» Борис Пастернак глазами девочки Жени из закамской стороны увидит любимовскую пристань, огни Мотовилихи, и Женя успокоится от слов «Это Мотовилиха».

«Ивака» произошла из майского дождя, из заточенной в земле красоты:

*Серёжек аметистовых
И шишек из сапфира
Нельзя и было выставить,
Из-под земли не вырывает
Чтоб горы очаровывать
В лиловых мочках яра
Их вынули из нового
Уральского футляра...*

Остались фотографии — Борис в глухом свитере с вершины смотрит вдаль. Имя горы — Дресва. Передовая складка Урала образовалась при надвигании Урала на Русскую платформу. «Возвышенность эта, род шихана, с одного края круто обрывалась... Точно этот суровый, подоблачный, богатейший лес, как-то споткнувшись, весь как есть, полетел вниз и должен был провалиться в тартарары, сквозь землю, но в решительный момент чудом удержался на земле и вот, цел и невредим, виднеется и шумит внизу». Кажется, Борис уже видел роман, жил внутри романа, писал для него пейзажи.

А это эскизы к «Рождественской звезде»:

*А там и рассвет занимался. До двух
Несметного неба мигали богатства...*

Во Всеволодо-Вильве было фортепиано, вечерами Пастернак импровизировал, и в стихах его жила музыка. У каждого из нас есть такие потаённые места, где мы были счастливы когда-то.

В «Балладе»: «Впустите, мне надо видеть графа!» — «Я хочу видеть этого человека!»

Летом 1916-го, уезжая из Всеволодо-Вильвы, Борис Пастернак написал на конторском бланке:

*Уже в архив печали дан
Последний вечер новозила.
Окно ему на чемодан
Ярлык кровавый наложил.
Перед отъездом страшный знак
Был самых сборов неминуей —*

*Паденье зеркала с бумаг,
Сползавших на пол грязной кучей.
Заря ж и на полу стекло,
Как на столе пред этим, лжжет.
О счастье: зеркало цело,
Я им напутствуем — не выжит.*

О, эти пятна солнца! Какое счастье — зеркало не разбилось! Это — на всю жизнь: «И не бить стекла...»

Было и тягостное воспоминание — походя убитая птица:

*Рослый стрелок, осторожный
охотник,
Призрак с ружьём на разливе души!
Не добрай меня сотым до сотни,
Чувству на корм по частям
не кроши...*

***

Февраль 1917-го. Борис в Москве пишет роман из времён Великой французской революции. Ночь. Человек сидит за столом и читает Библию. Это рилькевский Lesender — «Читающий»:

*Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор, как дождь пошёл
хлестать в окно.*

*Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя...*

«Подумайте... Море крови и грязи начинает выделять свет». И Пастернак показал рукой, как выделяется свет.

В это лето были стихи, и женщину звали Елена Виноград, а книга называлась «Сестра моя жизнь». Это летняя книга, в ней Елена смеётся, даже капли дождя смеются, целуясь, «и не разлучатся» — как влюблённые в последнем стихотворении Пастернака:

*И дольше века длится день,
И не кончается объятье...*

Зеркальная дверца трюмо открывается, и всё, что было в саду, пробегает в зеркале и преобразуется:

*Огромный сад тормозится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трясёт — и не бьёт стекла!*

Это повторяется и повторяется: «и не бьёт стекла», как будто специально для Сергея Есенина, который сейчас перед зеркалом сдвигает соколиные брови, поправляет кудри, перед зеркалом, которое он разобьёт в последнем декабре.

«Очки по траве растерял палисадник» — это пятна солнца, это радость жизни, это пересыпаемый песок — в сучках и улитках мерцающий кварц, не просто песок, а жаркий кварц! И сосны! И свобода!

В книге — Лебяжий переулочек:
*Из рук не выпускал защёлки.
Ты вырывалась,
И чуб касался чудной чёлки
И губ-фиалок...*

Осень ушла в другую книгу — «Темы и вариации». Он пишет роман о Жене Люверс.

А потом была осень. «Озверели все...»

***

Все шестеро — Анна, Борис, Осип, Марина, Владимир, Сергей — оказались в одном городе во второй и в последний раз. «Нездешний вечер» в Москве, на Поварской. Пастернак сидел рядом с Цветаевой: «Я ещё не написал такой книги, которая касалась бы всех. Я хочу написать большой роман».

Писал Марине: «Я больше всего на свете (и, может быть, это — единственная моя любовь) люблю правду жизни в том её виде, какой она на одно мгновение естественно принимает у самого жерла художественных форм, чтобы в следующее же в них исчезнуть...» Она ответила: «Вы не человек и не поэт, а явление природы». Она догадалась о двух тайнах Пастернака. Первая: «Звук Вы любите больше слова, и шум (пустой) больше звука, потому что в нём всё». Вторая тайна: «Вы не созерцатель, а вершитель — только дел таких нет здесь». И ещё: «А знаете, Пастернак, Вам нужно писать большую вещь. Это будет Ваша вторая жизнь, первая жизнь, единственная жизнь» — это она подсказала ему название, ключевое слово — жизнь. «Вам никого и ничего не станет нужно. Вы ни одного человека не заметите. Вы будете страшно свободны... Вам надо отвод: ежедневный, чуть ли не ежечасный. И очень простой — тетрадь... Книга пишущего не бросает». Он хорошо запомнил эти слова.

Весной 1918-го роман для Пастернака кончился — и в жизни, и в литературе. Елена уехала, а роман он сжёг.